

КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СМЫСЛА

М.В. Оборина

Тверской государственной университет, Тверь

Контекст представлен как потенциальный способный актуализироваться ресурс, порождаемый взаимодействием реципиента и текста. Во многом понятие контекста в когнитивистике и дискурсологии пересекается с понятием направленности рефлексии в герменевтике

Ключевые слова: дискурс, текст, герменевтика, гипертекст, контекст, контекстуальные ресурсы, смысл, понимание, диалог.

К текстам нельзя относиться как к объектам потребления, они должны переживаться как составная часть ситуации деятельности. Читатель участвует в производстве текстов в ходе взаимодействия с ними. Очевидно, нелинейная природа текста проявлялась всегда. Так, в текстах греческих трагедий, в текстах эпических произведений можно увидеть расставленные авторами отсылки к прецедентным текстам мифов, к текстам далеких и близких современников, что делало уже эти тексты подобиями гипертекстов. Проблема текста неразрывно связана с проблемой использования языка – типология текстов отражает потребности жизненной практики и коммуникации: «Для чего нам нужны тексты определенного типа и зачем мы их используем именно в том или этом виде? Почему изменяются типы текста?» [Фикс 2001: 100]. Физически текст представляет собой линейную репрезентацию, которую можно наполнить смыслом. В связи с линейностью или линейностью текста читатель становится каждый раз на одну из точек зрения, в то время как остальные (точки зрения) находятся на периферии его сознания. Все предшествующие перспективы обуславливают его настоящее видение. Постоянная смена темы и горизонтов происходит каждый раз в новом контексте, отсылая читателя к чему-то, что выходит за пределы непосредственного видения.

По выражению У. Эко, текст есть механизм создания идеального читателя – это значит, что линейная репрезентация текста является своего рода границей приемлемого буквального толкования, и в то же время – отправной точкой вертикального, нелинейного толкования и восстановления возможных контекстов [Есо 1994]. Безграничность семиозиса – полисемия символов, бесконечная интерпретация – ограничивается контекстом. В условиях учебного двуязычия контекстуальные ограничения могут быть как тематическими (включающими контекст родного языка и внешнего мира), так и формально-лингвистическими (направленными на освоение определённых лингвистических явлений, сложностей и т.п.). Наличие контекстуальных ограничений, с одной стороны, способствует созданию «художественной реальности», отличной от действительности, а с другой – даёт представление о безграничности коммуникативных возможностей.

Редуцируя полисемию символов за счет привязки к контексту, текст подчиняется правилам, с помощью которых можно избежать двусмысленности (*disambiguation*). Парадигматически символы открыты бесконечности, но

синтагматически – неопределенному, но совсем не бесконечному числу смыслов (интерпретаций) обусловленных контекстом.

Безграничность и оформленность идут рука об руку, определяя диалектический характер интерпретации – баланс свободы и культуры, жесткой формы и открытости, инициативы интерпретатора и давления контекста. Текст есть попытка человека свести бесконечность мира к управляемому формату, открытому для межкультурного интерпретативного дискурса (текст диалогичен). Форма, по крайней мере, позволяет понять, насколько интерпретация «культурно и социально адекватна».

Художественный текст как особый тип текста не является отражением действительности, он творит собственную действительность. Даже самые сложные типы понимания текстов восходят (хотя и не сводятся) к освоению знаков быденного языка: текст закрепляет в языковых формах модель отношений действительности, точнее – освоения её человеком [Богин].

Согласно утверждению Ж. Дерриды, для изучения всех возможностей текста следует обращаться к так называемому «нулевому значению» (*zero-degree meaning*) – самому примитивному и общепринятому словарному значению, актуальному и общепризнанному для данного исторического периода состояния языка. В таком залоге принцип контекстуальности используется самым полным образом: значение включает в себя цель, лежащую вне языка. В последовательном освоении текста восстанавливается т.н. непосредственный (*immediate*) объект и затем динамический (*dynamic*) объект. Непосредственным будет объект, заданный ситуацией общения, а динамическим – тот, который может быть выведен из непосредственного путем подстановки наиболее вероятных контекстов. Динамическим объектом может быть идея, чувство, движение, эмоция, мысль, вера. С точки зрения учебного двуязычия, создаваемая ситуация общения способствует освоению непосредственного объекта и в перспективе станет репрезентативной (представителем, образцом) динамического объекта – ориентировочной основой действия.

Так, с позиций непосредственного объекта героя рассказа «You should have seen the mess» М. Спарк является объектом иронии автора, но динамический объект, выводимый подстановкой контекстов, опирается на опыт действия в мире коммуникации, культуры, чувствований. Таким динамическим объектом (смыслом) будет «воинствующее невежество», «нищета души», «ограниченность».

Континуум текстов культуры, становящийся объектом и контекстом филологической герменевтики, «схватывает» ситуацию мультикультурности и глобализации, поскольку этот континуум утрачивает линейность, приобретая многоплоскостность, свойственную современному актуальному дискурсу. В каждой культуре есть свой собственный контекст, и «приживается» в ней только то, что «вписывается» в этот контекст, т.е. то, для чего имеются предпосылки. Контекстный подход в герменевтике реализуется в понятии «речевой ментальности в герменевтическом и этногерменевтическом анализе» (термин О.Г. Почепцова) и позволяет объяснить стратегии отбора предметной

информации при построении текстов в разных культурных контекстах и связанные с этим стандарты ожидания (expectations) и понимания.

Изменения текстов культуры и отношения к текстам культуры: движение к дискурсивной всеобщности (стирание граней между специфически ориентированной литературой, уход от безличности даже в литературе жанра деловой коммуникации, втягивание реципиента в диалог с помощью различных приемов текстопостроения – изменение позиции автора, использование актуального дискурсивного материала, постоянное взаимодействие читателя и рассказчика, который своим рассказом непосредственно творит художественную реальность, а не находит ее предданной. Все эти и очевидно другие черты осложняют работу с текстами традиционными методами: и стилистический анализ, и структурный анализ теряют свою основную цель: включение текста в континуум культуры и индоктринацию носителей этой культуры.

Взаимопроницаемость национальных культур проявляется в коммуникации между этими специфическими мирами (национальными и индивидуально-личностными), возможной в силу плюрализма культур и наличия интернационального и интерсубъективного начал в этих мирах. Чем сильнее своеобразие каждого из таких миров, тем сильнее и тенденция к переходу от смыслов к метасмыслам и метаметасмыслам, художественным и иным идеям. Противоречие между своеобразием и совместной принадлежностью смыслов решается в коммуникации культур. Как отмечает А.С. Раппопорт, такое разрешение противоречия возможно в силу того, что «коммуникация мировых культур происходит в рамках каждой монокультуры и проводится в жизнь её конкретными носителями. Можно было бы говорить о том, что плюрализм мировой культуры воспроизводится в каждой отдельной культуре, что и определяет исходную ситуацию коммуникативной рефлексии» [Раппопорт 2007: 107].

Разговорная и поэтическая речь коренным образом различаются, в частности, разговорная речь отличается спонтанностью, одноразовостью, отсутствием установки на план выражения, в то же время поэтическая речь всегда является результатом единого замысла, существуя как текст во времени и пространстве, структура которого несет на себе эстетическую функцию наравне с другими компонентами языковой структуры. Случайная в разговорной речи последовательность ненормированных конструкций диктуется ситуацией, коммуникативной установкой говорящего, диалогичностью общения и т.п. В поэтической же речи эти конструкции объединяются в пределах целого текста играя роль средств, составляющих метасредства опредмечивания смысла. Т.М. Дридзе отмечает, что текст представляет собой «систему элементов, функционально объединенных в структуру общей концепцией, поэтому текстовая комбинаторика качественно меняет информативную нагрузку элементов» [Дридзе, 1976: 35].

Слово может приобрести смысл – то есть, развиться до представления, – если превратится в назывное предложение, предсцируется. Таким образом, предложение является «мостиком» между значением и представлением. Оно

вместе с контекстом его употребления сводит растянутое, неопределенное, конвенциональное и абстрактное значение до ограниченного, точного, индивидуального и конкретного представления. Понимается всегда не отдельное слово, а текст, в котором слова взаимно ограничивают друг друга и редуцируют свои значения до представлений [Ивин]. В примере разговора Воробьянинова с Безенчуком из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, приводимом в учебнике логики, один из героев пытается эксплицировать свои понятия, связывая их с конвенциональными значениями слов, но поскольку эти понятия ситуативны, они остаются имплицированными, не имеющими статуса объяснённости для реципиента. Так, в речи гробовщика слова «преставиться», «гигнулся» остаются непонятными для «неспециалиста» Воробьянинова, который просто говорит, что его тёща умерла. Гробовых дел мастер Безенчук различает в смерти намного больше оттенков, и для каждого из них у него есть особое обозначение. Он машинально уточняет, что тёща Воробьянинова не просто умерла, а преставилась, и поясняет: «Старушки, они всегда преставляются... Или богу душу отдают, – это смотря какая старушка. Ваша например, маленькая и в теле – значит, преставилась. А например, которая покрупнее да похудее, та, считается, богу душу отдает». И затем он излагает целую систему: в зависимости от комплекции и общественного положения скончавшегося смерть определяется или как сыграть в ящик, или приказать долго жить, или перекинуться, или ноги протянуть. «Но самые могучие когда помирают, – поясняет Безенчук, – железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают». О себе он говорит: «Мне дуба дать или сыграть в ящик – невозможно: у меня комплекция мелкая». И предполагает, что о нем после смерти скажут: «Гигнулся Безенчук». Экспликация смысла иллюстрирует попытку объективировать собственный узуальный смысл, оказывающийся неизменно дефицитным с точки зрения узуального употребления, что ощущается и самим говорящим – отсюда его стремление категориально развести несопоставимые синонимы на основании квази-объективных представлений. Действие эксплицирования направлено на построение контекста, выведение смыслов из ситуативного уровня (субъективное) на уровень контекстуальный (объективированное). Контекстуальность высказывания раскрывает для реципиента возможность «присвоения» смысла как собственной ситуации действия.

Всякий акт употребления языка, по словам Б.М. Гаспарова, представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. Основные качества этой единицы деятельности — многогранность, динамичность, незавершенность (как потенциальную способность быть включенным в иные контексты интерпретации) и ассоциативность [Гаспаров:1996]. Рассматривая проблему речевых жанров, Бахтин писал о том, что человек по сути дела пользуется не просто языком, словами языка, а «чужими словами», то есть словами, употребление которых хранится в памяти и опыте говорящего: «... индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере

может быть охарактеризован как процесс освоения — более или менее творческого чужих слов (а не слов языка). Наша речь, то есть все наши высказывания..., полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [Бахтин 1986: 460]. В каждом тексте можно обнаружить (при его деконструкции) борьбу подходов, идей, взглядов. «Текст движется в бесконечном континууме трансформаций-прочтений, в которых неинтегрированная множественность его смысла если не возрастает буквально, то по крайней мере все время обновляется» [Гаспаров 1996: 43].

Искусственная трактовка сообщений без обращения к предполагаемому контексту не способствует пониманию, подтверждая неправомочность превращения простой части в кажущееся самостоятельное целое. Нужно учитывать зависимость сообщения от ситуации, относящейся к данному моменту времени, когда речевое событие «пространственно включено» в целое «с пространственной протяженностью» (E. Nagel). Cf.: «целое может относиться к модели отношений между конкретными специфическими типами объектов или событий, модели, которая может получать воплощение при различных обстоятельствах и с различными модификациями». Факты языка находят воплощение в реляционных инвариантах и многочисленных контекстуальных и стилистических вариациях. Если целое является «моделью отношений», то часть, как замечает Нагель, может также относиться к «любому из элементов, которые соотнесены по этой модели в конкретном ее воплощении» (Нагель цит. по [Якобсон 1986]). Так он затрагивает вопрос о фундаментальном различии между замыслом и конкретным воплощением, вопрос о соотношении между частью и целым, которое лингвисты признали, но не сделали при этом никаких явных и далеко идущих выводов. Систематический анализ вербальных сообщений принимает во внимание как код, так и контекст; благодаря этому раскрывается сложное взаимодействие разных уровней языка.

Литература:

Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику [Электронный ресурс] / URL : http://sbiblio.com/biblio/archive/bogin_obretenie. – Дата обращения : 20.03.2016.

Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Т.М. Дридзе и др.; Отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1976. С. 34–45.

Рапопорт А.С. Границы проектирования // Введение в социально-гуманистическое проектирование. Хрестоматия. Красноярск: РИО СФУ, 2007. С. 82–111.

Фикс, У. Проявляется ли культурная специфика в типах текста. Слово в защиту широкой трактовки понятия «тип текста» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №2. С. 100–107.

Якобсон Р. Часть и целое в языке // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 301–306

Eco U. The Limits of interpretation. (Advances in semiotics series). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 295 pp.